

хо-Маклай 1996: 310]. Вероятно, в этой посылке была биографическая статья Г. Моно. Передача состоялась, и впоследствии Михаил Николаевич Миклухо-Маклай включил этот оттиск в числе других семейных материалов в коллекцию, которую готовил для передачи в архив.

В основном издания, составляющие маклаевскую коллекцию библиотеки МАЭ, находятся в удовлетворительном состоянии. Брошюры переплетены в картон. Три издания помещены в контейнеры из бескислотного картона.

Библиография

Лебедева А.А. Материалы и документы, хранящиеся в отделе Австралии, Океании и Индонезии // Культура и быт австронезийских народов: История коллекций их собиратели. СПб., 2007. С. 321–333. (Сборник МАЭ. Т. 53).

Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия / Подгот. к печати И.Н. Винникова и А.Б. Пиотровского. М.; Л., 1941. Т. 2.

Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч.: В 6 т. 1993. Т. 2; 1996. Т. 5.

Решетов А.М. К истории формирования личных фондов Н.Н. Миклухо-Маклая в архивах РГО и АН СССР // Австралия, Океания и Индонезия в пространстве времени и культуры: Статьи по материалам Маклаевских чтений 2007–2009 гг. СПб., 2010. С. 15–21. (Маклаевский сб. Вып. 3).

Тумаркин Д.Д. Белый папуас. М., 2011.

Тумаркин Д.Д. Николай Николаевич Миклухо-Маклай: биографический очерк // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч.: В 6 т. 1999. Т. 6, ч. 1. С. 553–673.

Т.М. Яковлева

КРУЖОК ЛЮБИТЕЛЕЙ ЭТНОГРАФИИ, РЕВНИТЕЛЕЙ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В фондах МАЭ РАН находятся на хранении уникальные предметы, поступившие в музей в разное время от частных коллекционеров, собирателей или их наследников. Петербургские любители старины, коллекционеры, собиратели внесли свой вклад в развитие российской этнографии, и очень важным источником для оценки их деятельности на

рубеже XIX–XX вв. явилась первая в Петербурге выставка частных этнографических коллекций, открывшаяся в залах Академии наук 3 апреля 1909 г. Она подвела своеобразный промежуточный итог многолетнему труду петербургских собирателей и показала широкому кругу жителей города прежде недоступные для обозрения экспонаты. Инициатором проведения этой выставки был Кружок любителей этнографии, ревнителей Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого.

Это общество было создано в 1908 г., и своей целью члены общества считали овладение научными знаниями и опытом в области антропологии и этнографии, а также оказание всяческого посильного содействия Музею антропологии и этнографии имени Петра Великого, включая сбор и передачу музею как отдельных предметов, так и целых коллекций, издание каталогов, участие в экспедициях и т.д. [Архив РГО. Ф. 1 — 1908. Оп. 1. № 9. Л. 7]. Деятельность кружка долгое время оставалась вне поля зрения историков МАЭ. Так, о нем нет информации в монографии Т.В. Станюкович [Станюкович 1978]. Имеющиеся у нас данные очень отрывочны. Поэтому это сообщения является только началом сбора материалов о Кружке любителей этнографии, ревнителей Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого.

Петербургская пресса писала, что в 1909 г. кружок организовал выставку частных этнографических коллекций. Как анонсировала это культурное мероприятие газета «Речь», выставка должна была открыться на «третий день Пасхи в залах Академии наук». Указывалось, что она будет состоять из трех отделов: русского, японского и индийского. Предполагалось, что на ней будут выставлены коллекции знаменитого путешественника Крузенштерна, художника Плотникова и др.

Устав кружка, сохранившийся в Архиве РГО, был утвержден Санкт-Петербургским особым городским по делам об обществах присутствием [Организация кружка: 4–7]. Из этого документа видно, что организаторами кружка являлись достаточно известные в столичных кругах люди.

Николай Иванович Воробьев — действительный член Археологического института и Географического общества, впоследствии — секретарь кружка. Он был известным путешественником, собирателем музыкальных инструментов. Часть его коллекции хранится в МАЭ, а он сам в 1906–1911 гг. был сотрудником МАЭ [Мазурина 2002: 143–146; Краснодембская 2002: 147–153; Иванова 2002: 154–158; Свиридов 2002: 164–166]. В 1906 г. Н.И. Воробьев по заданию директора МАЭ предпринял специальное путешествие по странам Дальнего Востока с целью пополнения музейного собрания МАЭ [Иванова 1973]. Андрей Дмит-

риевич Руднев — востоковед, приват-доцент С.-Петербургского университета, действительный член Русского географического и археологического обществ. Эмилий Оскарович Визель (1866–1943) — хранитель музея Академии художеств, барон, организатор международных художественных выставок, погиб в блокадном Ленинграде. Иннокентий Павлович Толмачев — ученый хранитель Геологического музея Академии наук, надворный советник. Алексей Иванович Иванов — приват-доцент С.-Петербургского университета, синолог, сотрудник МАЭ. Самуил Мартынович Дудин — художник, фотограф, сотрудник МАЭ.

Кроме того, в числе учредителей были Евграф Петрович Ковалевский-младший (1865–1941) — политический и общественный деятель, образование получил в Московском университете, служил в Министерстве народного просвещения, принимая участие почти во всех комиссиях по преобразованию средней и начальной школы, сторонник всеобщего образования, депутат Государственной Думы 3–4 созывов, эмигрант, умер во Франции. Николай Николаевич Ветцель (1855–1920) — русский государственный деятель, юрист, поэт, прозаик, драматург, пародист. В то время он чиновник особых поручений при отделе по отчуждению имущества Министерства путей сообщений, статский советник. Баронесса Елена Мейендорф (здесь, по-видимому, речь идет о детской писательнице Елене Павловне Шуваловой (Мейендорф), 1857–1943, писавшей на этнографические темы.

Согласно уставу, действительным членом кружка мог быть любой желающий. Для этого надо было только написать заявление в правление общества и заплатить ежегодный членский взнос в размере 5-ти рублей либо одновременно внести в кассу кружка 50 рублей. Пожертвования, членские взносы, сборы от устраиваемых с надлежащего разрешения лекций, этнографических выставок и иных мероприятий формировали средства общества. Кружок устраивал свою библиотеку, состоящую из книг по антропологии, этнографии и географии.

Появление в Петербурге объединения любителей этнографии и коллекционеров рассматривалось многими современниками как естественный результат происходящих в обществе процессов. Отмена крепостного права, наступавшая индустриализация, с одной стороны, приводили к утрате традиционных элементов бытовой культуры, с другой стороны, привлекали все большее внимание и интерес к сохранению ее достижений, «преданий старины», среди различных слоев населения России. Вот что писали по этому поводу «Санкт-Петербургские ведомости»: «Наша бытовая история, в сущности говоря, до сих пор находится в зачаточном состоянии. Лет двадцать-тридцать тому назад, не более, начал

пробуждаться в сфере русских образованных провинциальных кругов интерес к старинному “быту” Руси, начали появляться коллекционеры — собиратели всевозможных предметов старинного обихода. <...>. Заведутся в той или иной местности один-два человека, искренно и бескорыстно увлеченных прошлым ее и задавшиеся целью сохранить это прошлое для потомства, — и вот постепенно на ядро собранных ими предметов начинают нарастать слои за слоем различные старинные рукописи, портреты, монеты, рукоделия, и проч., и проч. Частное помещение становится недостаточным, образуется маленькое общество. Крепнет, вырабатывает правильную организацию. В результате местный музей или древлехранилище, историческая библиотека и тому подобные базисы культуры, которыми как сетью покрывается русская провинция. Такова история дела в Новгороде, где душою дела явился недавно скончавшийся археолог Передольский, во Пскове, Ростове Великом, Владимире, Ярославле, Костроме и пр. Тут вы встретите (хотя в довольно хаотическом состоянии) самые разнообразные остатки старины <...> Одной из петелек этой благотворной сети, постепенно опутывающей Русь, мне показался и молодой кружок петербургских этнографов, взявшихся за незаметную, но великую работу — собирание материалов, которые послужат драгоценным подспорьем для правильного освещения нашего прошлого» [Базанкур 1909].

Надо отметить, что петербургский кружок не было единственным. По всей стране открывалось много подобных культурно-просветительных и научных обществ. И это все продвигало вперед краеведческое движение страны, которое находилось в кризисе из-за административных препон. Он был разрешен в ходе первой русской революции. В процессе решения общедемократических проблем, таких как свобода слова, печати, совести, союзов и т.д., было разрешено создавать общественные научные организации. Они в свою очередь способствовали дальнейшему развитию научных исследований.

Правовую базу деятельности подобных обществ обеспечивали временные правила об обществах и союзах [О временных правилах]. Согласно им, эти общества не должны были преследовать коммерческих целей. Состав членов подобных научных обществ строго регламентировался, например в них не могли состоять студенты средних учебных заведений; лица, проживающие за границей; нижние чины, юнкера и лица, не достигшие 21 года, и т.д. Контроль над деятельностью подобных учреждений осуществлял местный губернатор [Степанский 1989].

Периодическая печать того времени широко освещала открытие первой в Петербурге выставки частных этнографических коллекций

и отнеслась к ней весьма и весьма благосклонно. В некоторых корреспонденциях описывалась вся экспозиция с множеством подробностей и деталей («Речь» 5 апреля 1909 г. № 294; «Новое время» 4 апреля 1909 г. № 11.874), другие уделяли больше внимания редким предметам экзотических коллекций («Петербургский листок» 5 апреля 1909, № 91; «Слово» 6 апреля 1909, № 75), третьи явно делали акцент на предметах русской старины («Речь» 9 апреля 1909 г. № 95; «Санкт-Петербургские ведомости» 5 апреля 1909 г. № 74). Обобщив эти публикации, можно мысленно пройтись по отделам выставки и составить представление о них.

Выставка была разделена на несколько отделов: русский, индийский, персидский, китайский и японский, а также среднеазиатский, в котором особо выделялся отдел музыкальных инструментов. В нем кроме среднеазиатских инструментов из коллекции профессора Николая Ивановича Веселовского (1845–1918) были представлены арабские и турецкие образцы, редкие дудки вымирающих сибирских инородцев — карагасов, а также малороссийские бандуры. В этом же отделе привлекала внимание посетителей туркестанская коллекция А.Г. Новикова, который представил множество экспонатов и для русской части экспозиции. Здесь выделялись роскошные ковры из различных местностей, отличавшиеся в орнаменте и способом тканья, несколько больших «махрачей» — своеобразных мешков из ковра, заменяющих в восточном обиходе комоды. Также были представлены интересные медные кувшины, предназначенные для религиозного омовения, оружие. Некоторые предметы из русской части собрания А.Г. Новикова имеются в настоящее время в собрании Русского музея.

Основой для индийской части экспозиции послужила коллекция барона Сталь-фон-Гольштейна. В ней особое место занимали образцы тканей, а также предметы культа. Посетители отмечали очень тонкую работу каменных статуэток Будды с головой слона, были здесь и вазы из серебра и меди с чеканными изображениями мифологических сюжетов.

Персидский отдел выставки составляла коллекция князя К.Н. Амагуни, составленная из ковров ручной работы разных времен с изображениями жанровых сцен с животными и иллюстраций к народным персидским сказаниям. Были здесь и старинные серебряные и медные монеты, образцы персидского шелка, вышивки, блюда с золотой насечкой, изделия из фаянса, эмали и лака.

Широко, хоть и бессистемно, был представлен китайский и японский отдел экспозиции. Он состоял из коллекции китайских, японских, тибетских идолов XVI–XVII вв. Н.И. Рукавишников, среди которых

выделялась большая медная статуя многоголового и многорукого Будды. У самого входа художником Джинеевым была выставлена коллекция оружия, а также вооружение японского самурая, предоставленное Николаем Ивановичем Воробьевым. Он же показал на выставке собрание китайских музыкальных инструментов. Особенное внимание привлекала коллекция г-жи Н.А. Люба, жены русского генерального консула в Урге Я.П. Шигмарева, а большой японский гобелен с изображением двух львов, пьющих воду на реке, оценивавшийся в 2000 рублей, приводил посетителей в восторг. Г-жа Люба выставила образцы дорогих японских и китайских тканей, разноцветные шелковые платки, вышитые золотом и серебром, табакерки из красного янтаря, множество забавных безделушек. Особенно хороши были веера. Один из них — из роскошных белых перьев, с акварельной живописью по ним. Некоторые предметы из ее коллекции сегодня хранятся в РЭМ. Образцы изделий, покрытых старым японским золотым лаком, экспонировала г-жа Бунина.

Имелись также в китайско-японском отделе два шкафчика, покрытые мозаикой и вывезенные русским ботаником Максимовичем из Японии в конце 50-х годов XIX в. По-видимому, речь идет о Карле Ивановиче Максимовиче (1827–1891) — выдающемся русском академике С.-Петербургской АН, главном ботанике Ботанического сада АН. Он много путешествовал с научной целью, в 1850-е годы бывал в Японии, собирал коллекции [Липшиц 1959].

И, конечно, нельзя не упомянуть витрину музея Ботанического сада — образцы китайской рисовой бумаги и японских обоев, с демонстрацией растений, используемых для их изготовления в различных фазах производства. Музей Ботанического сада не единственный, кто принял участие в выставке помимо частных коллекционеров. Не остался в стороне и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, предоставив на выставку, устроенную своими ревнителями, белорусский «вертеп» — уличный театр, относимый к XVIII в. и напомнивший зрителям современные петрушки.

Современники, не обходя признанием собирателей восточной экзотики, отмечали в большинстве своем, что основное и главное богатство выставки составлял ее русский отдел.

Из уникальной коллекции ложек, экспонируемой художницей, искусствоведом, собирательницей памятников народного искусства Варварой Петровной Шнейдер (1860–1941) и насчитывающей более 1000 предметов, собранных у разных народов из Персии, Польши, Мексики, Африки, Кореи, Китая, прежде всего привлекали внимание своей

художественной ценностью древнерусские монастырские ложки (из Троице-Сергиевой лавры и Соловецкого монастыря) с изображением сцен из жития святых. При обозрении этой коллекции упоминали также «“масонскую ложку”, чуть ли не единственную в России». В.П. Шнейдер также выставила коллекцию вышивок и кокошников Тамбовской губернии. (В.П. Шнейдер также собрала большую этнографическую коллекцию по народам Поволжья, часть из которой хранится сегодня в РЭМ [Зеленина 2007].)

Наиболее системно в русском отделе была представлена коллекция известного русского фольклориста, этнографа Николая Николаевича Виноградова (1876-1938). Вернее, несколько его коллекций. Живой интерес вызвали лубочные картинки, гадательные книжечки, старинные календари, народные сказки и духовная литература, начиная с рукописного издания XVII в. и до середины XIX в. Далее шли «противохолерные» монеты и металлические кресты, собранные во время последних эпидемий, ряд амулетов и оберегов на все случаи жизни с текстами спасительных молитв и заговорами, необычная свеча для защиты от врагов, представлявшая собой несколько скрученных тонких восковых свеч. Ее ставили перед иконой в алтаре с молитвой, чтобы Господь так скрутил и спалил врага, как скручена и будет растоплена эта свеча. Н.Н. Виноградовым также была предоставлена для выставки разнообразная коллекция, собранная им в Костромской губернии, — костюмы, вышитые золотом и жемчугом головные уборы, украшения конца XVIII — начала XIX в. Н.Н. Виноградов сотрудничал с Этнографическим отделом Русского музея. Его страсть к собирательству иногда «выходила ему боком». Так, 27 апреля 1909 г. «Биржевые ведомости» сообщили, что «на выставке оказались вещи из Этнографического отдела Музея императора Александра III. Вещи эти опознаны лицом, приобретавшим их для отдела и случайно посетившем выставку». Виновным в корреспонденции назван студент В. [Биржевые ведомости 1909]. Факт хищения подтвердился. Как пишет Ю.А. Савватеев [2009], скандал удалось с большим трудом замять. Помог академик А.А. Шахматов, заверивший, что вещи были взяты из фондов только на время, с последующим возвратом и что вся коллекция Н.Н. Виноградова будет передана музею. Тем не менее университет Н.Н. Виноградову после семи семестров учебы пришлось оставить. А весной 1910 г. на его квартире производится обыск, во время которого было обнаружено и изъято несколько социал-демократических прокламаций. Последовали допрос и арест. Свое участие в деятельности политических партий он отрицал и заявлял, что собирал прокламации по просьбе А.А. Шахматова для Академии наук как доку-

менты по истории революционного движения. Тем не менее был выслан на родину, в Кострому.

В коллекции Владимира Александровича Плотникова особенно интересными признавались костюм пермячки, крестьянки Архангельской губернии и женский старообрядческий монашеский костюм Выгорецкой пустыни (Данилов скит) Олонецкой губернии. Также им были выставлены медные и серебряные старообрядческие кресты, иконы-складни, деревянные старообрядческие кресты с надмогильных памятников, старообрядческая посуда, вышитые головные женские уборы и полотенца. В.А. Плотников (1877–1917) — русский художник, путешественник, публицист. Выпускник Академии художеств. Собирал коллекции для МАЭ и РЭМ [Чувьуров 2007].

Традиционные костюмы северных губерний экспонировала и Е.И. Воробьева. Русский отдел украшали сарафаны — штофный с кружевами XVII в. и парчовый конца XVIII — начала XIX в., головные уборы и женские украшения, приобретенные в Архангельской и Вологодской губерниях.

Среди предметов, выставленных Николаем Филипповичем Романченко, особенно привлекательными оказались жемчужные серьги работы крестьянок Новгородской и Вологодской губерний. Планировалось даже издание фотографического каталога этой коллекции с обозначением старинных оригинальных названий различных форм серег. В небольшом количестве Н.Ф. Романченко представил также кокошники, замки и ковши. Он был по образованию гражданским инженером, коллекционером, археологом, нумизматом. С его именем связана первая реставрация Георгиевской церкви в Старой Ладоге [Сидорова 1998].

Особо устроенная комната отведена была для утвари из русской части коллекции А.Г. Новикова. Там находились ларец XVII в., сундук, ковш пивной расписной, «ендова точеная», несколько братин, рабочий ящик, обложенный «рыбным зубом», и много различных хозяйственных мелочей.

«Эта только что открывшаяся выставка, особенно ее русский отдел, доставляет большое художественное удовольствие и в то же время наводит на грустные размышления. Вспоминаются слова Вильяма Морриса: “Истинная тайна счастья заключается в неопределенном интересе к подробностям каждодневной жизни и в поднятии их на высоту искусства”. Когда-то обладали этой тайной счастья, и то, чем мы сейчас любимся в витринах коллекционеров-любителей, входило в обиход жизни. Какая чистота и прелесть вкуса в этих индивидуальных ручных работах — результаты коллективного, складывавшегося веками народ-

ного творчества. Местами красота поражает своей утонченностью <...> Как будто здесь действительно “нельзя объяснить, как говорит Рескин о некоторых художниках, какие изящные вещи они делают, и, может быть, самое творчество их искусства зависит от того, как мало они его сознают” <...> Надо пожелать, чтобы начинания недавно образовавшегося кружка не ограничились только этой выставкой: так привлекательно и необходимо ощущать, от времени до времени, силу и красоту хотя бы и запертого в витрины, исчезнувшего из жизни народного искусства», — так оценил выставку журналист-современник [Ростиславов 1909].

Петербургская выставка частных этнографических коллекций продолжала свою работу в течение месяца. Ее несомненный успех вдохновил организаторов на решение об устройстве через два года всероссийской этнографической выставки в Петербурге, затем в Москве и затем, возможно, в некоторых других крупных городах России, о чем сообщала газета «Слово» [Слово 1909]. К сожалению, эта мечта не исполнилась.

Выставка 1909 г. обобщила результаты собирательской деятельности петербургских любителей этнографии со всеми их достижениями и недостатками, она стимулировала совершенствование коллекций, наметила пути их сотрудничества друг с другом и с Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого. Кроме того, выставка имела просветительский успех: в условиях упадка интереса к народному традиционному творчеству русские этнографические коллекции показали его громадный потенциал, привлекли внимание интеллигенции к этой проблеме. «Чрезвычайно отрадное впечатление производит эта маленькая скромная выставка на человека, любящего свою родину, дорожающего ее историей и искусством <...> Все это в высшей степени художественно, в своем роде изящно, “цветно” — как говорили в старину, и все это, увы, в прошлом <...> Все это теперь исчезло бесследно <...> На смену им явились нелепые резиновые калоши и громадные черные зонтики — непременная принадлежность деревенских щеголей и щеголих, несмотря хотя бы на тридцатиградусную жару, да пошлейшая грубая “чашушка”, да водка» [Базанкур 1909].

Библиография

Базанкур О. Недавнее прошлое // Санкт-Петербургские ведомости. 5 апреля 1909 г. № 74.

О временных правилах об обществах и союзах: Именной высочайший указ, данный Сенату. Собрание узаконений 1906 года, марта 7, статья 308 // ПСЗ Российской империи. СПб., 1909. Собр. третье. Т. 26. С. 201–204.

Зеленина Я. Это была точно пасхальная ночь // Наше наследие. 2007. № 83–84.

Иванова Е.В. Таиландские вещи в МАЭ // Сборник МАЭ. 1973. Т. 29.

Иванова Е.В. Музыкальные инструменты в сямской коллекции Н.И. Воробьева // Музыка Кунсткамеры. СПб., 2002. С. 154–158.

Краснодембская Н.Г. Коллекция сингалских музыкальных инструментов Н.И. Воробьева // Музыка Кунсткамеры. СПб., 2002. С. 147–153.

Литвиц С.Ю. К.И. Максимович // Отечественные физикогеографы и путешественники. М., 1959. С. 236–241.

Мазурина В.Н. Н.И. Воробьев — собиратель музыкальных инструментов Востока // Музыка Кунсткамеры. СПб., 2002. С. 143–146.

Организация Клуба любителей этнографии, ревнителей Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. Архив РГО. Ф. 1 — 1908. № 9.

Степанский А.Д. Временные правила об обществах и союзах 7 марта 1906 г. // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы и факты. М., 1989. С. 124–140.

Ростиславов А. На выставке этнографических коллекций // Речь. 9 апреля 1909 г., № 95.

Савватеев Ю.А. Н.Н. Виноградов. Человек дела (Кострома — С.-Петербург — Москва — Соловки — Петрозаводск) // Вопросы истории и культуры северных стран. 2009. № 3 (7).

Свиридов А.А. К истории собирания японских музыкальных инструментов в МАЭ РАН // Музыка Кунсткамеры. СПб., 2002. С. 164–166.

Сидорова М.В. Материалы к биографии Н.Ф. Романченко // 6-я Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 1998. С. 215–216.

Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук). Л., 1978.

Чувьуров А.А. В.А. Плотников — художник, собиратель // Рябининские чтения — 2007. Петрозаводск, 2007. С. 129–132.